

УДК 342.565

DOI: 10.17223/22253513/33/17

Э.С. Юсубов, Ю.В. Филимонов

ПРАВОТВОРЧЕСТВО В АСПЕКТЕ СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Анализируются дискуссионные точки зрения на возможность осуществления правотворческой функции органами судебной власти, исходя из их назначения в конституционном механизме разделения властей. Обращено внимание на особую правоприменительную природу правосудия, способствующего правоисполнению посредством судебно-интерпретационных актов, принимаемых Конституционным Судом РФ при реализации им судебного конституционного контроля и Верховным Судом РФ в ходе обобщения судебной практики.

Ключевые слова: правотворчество, судебное правоприменение, судебное правотворчество, интерпретация.

Под правотворчеством принято понимать деятельность органов публичной власти по созданию, изменению и отмене правовых норм, закрепляемых в нормативных правовых актах [1. С. 415]. Процессу правотворчества предшествует целенаправленное познание объективно сложившихся социальных и экономических потребностей, обуславливающих государственно-властный интерес в правовом урегулировании общественных отношений. Взаимосвязанный характер с правотворчеством имеют юридические и общественно-политические последствия вступления в силу правовых норм, в том числе при внесении изменений в текущее законодательство. Ввиду этого правотворчество определяется как сложная по своему назначению деятельность, складывающаяся из согласованных последовательных действий и решений управомоченных субъектов. Ее завершающим этапом выступает правовой акт, содержащий властное волеизъявление органа публичной власти или должностного лица. Реализация принятых юридических норм, получивших утверждение в нормативном акте, порождает практическое правоприменение, или правоприменительную деятельность.

Другая ветвь государственной власти – судебная власть – осуществляет функцию, направленную на достижение конституционности, законности и правопорядка, путем разрешения правовых споров, социальных конфликтов, установления юридических фактов, использования мер ответственности для охраны и защиты прав, свобод и законных интересов личности и иных субъектов правоотношений. Согласно ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Статья 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» определяет, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной вла-

стей, ее осуществление происходит посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства [2].

В конституционном механизме разделения властей судебная ветвь призвана уравновешивать законодательную и исполнительную власти, сдерживать их от неправомерных деяний, гарантируя тем самым верховенство права и построение правового государства. Суды обязаны применять Конституцию РФ, законы и иные нормативные акты, принятые правотворческими органами в пределах предписанной им компетенции.

Основу правосудия составляет судебное правоприменение, которое представляет собой юрисдикционную деятельность, заключающуюся в обязанности суда разрешить в установленной процедуре конкретное юридическое дело и, руководствуясь нормами права, регулируемыми исследуемые отношения, принять по нему государственно-властное распоряжение. Формальным итогом судебного правоприменения и его документальным результатом служит издание судебного акта в виде решения, постановления, приговора, определения и заключения в процедуре отрешения Президента Российской Федерации от должности. Соответственно, судебная власть не наделена правотворческой функцией, а суды не обладают прямыми нормотворческими полномочиями. В то же время произошедшие преобразования вызвали многообразие общественно-политической и правовой действительности, организационные формы которой не всегда совпадают с теорией разделения властей в ее традиционном понимании. Одним из таких проявлений стало внедрение элементов нормативности судебных решений, вынесенных при отправлении конституционного правосудия и обобщении материалов судебной практики судов общей и арбитражной юрисдикции.

По указанной причине в научной литературе получило распространение мнение о становлении нового юридического феномена – судебного правотворчества [3. С. 16; 4. С. 30; 5. С. 3–4]. Одни сторонники названной концепции ссылаются на ее непротиворечивость классической теории разделения властей [6. С. 9, 24], другие предлагают законодательно наделить суды собственными правотворческими полномочиями, которые содействовали бы более качественной регламентации общественных отношений [7. С. 78]. Большинство авторов, придерживающихся расширительного подхода к функциям судебной власти, причисляют судебное правотворчество к компетенции только высших судов – Конституционного Суда РФ при реализации им судебного конституционного контроля и Верховного Суда РФ в ходе обобщения судебной практики в виде издаваемых постановлений пленума [8. С. 6; 9. С. 5–6].

Однако некоторые авторы обнаруживают правотворческую юрисдикцию у всех судебных органов вне зависимости от их компетенции и инстанционного местоположения. В частности, согласно точке зрения А.В. Корнева, в случаях, когда законодательное предписание, которое должен применить суд, имеет ту или иную степень неопределенности, выбор из допускаемых нормой вариантов ее толкования и применения производится по усмотре-

нию суда. Именно тогда и можно говорить о том, что суд осуществляет правотворчество, ликвидируя неопределенность общих понятий и классификаций, которые имеются в законе, и преодолевая пробелы в законодательном регулировании [10. С. 18–19]. С учетом приведенных точек зрения вопрос о реальности судебного правотворчества и его пределах, особенно при разбирательстве по конкретным судебным делам, видится дискуссионным, имеющим теоретическую и прикладную актуальность.

Прежде всего следует выяснить, каким образом действующее законодательство и сами органы судебной власти определяют их сопричастность к созданию правовых норм. Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 104) наделяет Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения. К примеру, пленум Верховного Суда РФ в течение 2018 г. вынес 20 постановлений о внесении законопроектов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

В Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ установлен порядок привлечения высших судов к участию в официальном обсуждении законопроектов. Так, судьям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ предоставляется право присутствовать на любом открытом или закрытом заседании палаты (п. 1 ст. 38), также они могут участвовать в открытых и закрытых парламентских слушаниях (п. 3 ст. 65). Проект постановления Государственной Думы может вноситься в том числе по инициативе Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (ст. 94). Согласно ст. 108, п. 8 ст. 112 Регламента высшим судам направляются законопроекты по вопросам их ведения для подготовки отзывов, предложений и замечаний, учитываемых ответственными комитетами палаты [11].

Аналогичные нормы предусмотрены в Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания РФ (п. 7 ст. 31, п. 3 ст. 37, п. 5, 6 ст. 38, п. 5 ст. 53, п. 3 ст. 86) [12].

Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде Российской Федерации» и «О Верховном Суде Российской Федерации» относительно судебного нормотворчества санкционируют принятие высшими судами регламентов по вопросам собственной внутриорганизационной деятельности (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [13] и п. 13 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ») [14].

Рассмотренные нормативные положения, регулирующие право законодательной инициативы и его реализацию со стороны Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, расцениваются в научной литературе как способ участия ветвей власти в обеспечении принципа единства государственной власти, напрямую не противопоставляемый принципу разделения властей [15. С. 59]. При этом названные нормы не предоставляют правомочий высшим судам на совершение каких-либо нормотворческих действий непосредственно в судебном правоприменении. К тому же упрочение права законодательной инициативы за судебными органами не воспринимается чем-то новым для российского права, оно имело место и в советский период [16. С. 7].

Анализ юридической силы судебных решений демонстрирует ее локальность по кругу лиц. Суд разрешает дело сообразно его индивидуальным особенностям, опираясь на исследованные фактические обстоятельства и конкретные правовые нормы. Вынесенное судом постановление содержит императивное государственно-властное требование и подразумевает принудительную силу государства по его неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 6 ФКЗ «О Судебной системе Российской Федерации»). Адресаты судебного правоприменения вынуждены подчинять свое поведение вступившему в законную силу постановлению суда: не выходить за пределы вверенных прав; не совершать правонарушений; неукоснительно выполнять порученные обязанности.

Кроме того, вступивший в законную силу судебный акт обладает преюдицией по безусловному признанию выясненных и оцененных судом отношений и связей. Однако судебный акт при всей его безусловной общеобязательности все же ограничен выявленным судом кругом участников отношений, а выводы по судебному делу не подлежат переносу на совпадающие правовые ситуации, но с другими лицами. К тому же судебные постановления, кроме актов Конституционного Суда РФ, не размещаются в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, чаще всего обретение ими легитимности зависит от дальнейшей проверки судами вышестоящих инстанций.

Вызывает интерес оценка юридической силы итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно обновленной редакции ч. 5 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», с момента провозглашения постановления, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими либо соответствующими Конституции Российской Федерации, не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Судом в этом постановлении истолкованием. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением не соответствующими Конституции, либо применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным в этом постановлении истолкованием.

Из приведенных законоположений нельзя сделать вывод о передаче федеральному органу конституционного правосудия правотворческих полномочий. Термин «истолкование» означает разъяснение подлинного конституционно-правового смысла, объективно заложенного в конституционных нормах, в целях достижения единства правопонимания и последующего правоприменения.

Конституционный Суд РФ никогда не «самонадеялся» себя правотворческой компетенцией, при этом отмечено расхождение взглядов судей на проблему судебного конституционного правотворчества.

К примеру, судья К.В. Арановский, выразив в своем особом мнении частичное несогласие с позицией Суда о неконституционности законоположения по компенсациям некоторым категориям граждан, констатировал: «Правосудие, разумеется, создает право». Далее он продолжил: «Установление в этой области правил, прав и обязанностей, помимо финансово-политических решений, принятых представительными, исполнительными органами власти, за счет судебного правотворчества едва ли отвечало бы конституционному принципу разделения властей» [17]. Получается, автор, возражая против урегулирования в разрешенном деле общественных отношений только посредством одного судебного правотворчества, подменяющего деятельность законодательных и исполнительных органов, в целом подтверждает его легальность.

По-иному проблематичность судебного правотворчества нашла отражение в особом мнении судьи Г.А. Гаджиева по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Высказав возражение по поводу позиции Суда о признании конституционности законоположения об обязательном официальном опубликовании временно выполняемых на территории Российской Федерации международных договоров, затрагивающих права граждан, он отметил: «Принятие же судом актов, которые вносят поправки в решения законодателя путем самостоятельного изменения баланса ценностей в пользу тех или иных прав или интересов, едва ли существенно отличается от позитивного нормотворчества. Подчиняясь в известной мере субъективизму самих судей и их представлениям о должном, подобные действия суда выходят за пределы той компетенции, которая отведена им Конституцией Российской Федерации в системе разделения властей» [18]. Исходя из настоящего суждения, автор, не будучи сторонником судебного правотворчества, полагает, что Суд в рассмотренном деле допустил вмешательство в сферу усмотрения законодателя путем самостоятельного поиска и закрепления баланса конфликтующих правовых ценностей, выказывая не оправданное ситуацией политическое волеизъявление, не присущее судебной власти.

В особом мнении судьи Н.С. Бондаря к отказному определению Конституционного Суда РФ от 04 октября 2012 г. № 1768-О сделан акцент на отличии стран с общей системой права, зафиксировавших прецедент допустимой формой судебного нормотворчества, от стран континентального права, не обладающих сходными механизмами. В последних имеет значимость институт конституционного контроля; он объективно играет немаловажную роль в решении задач по обеспечению правовой определенности и в конечном счете – упрочению единообразия судебной практики [19]. В другом исследовании автор раскрывает специфичность воздействия судебного конституционного контроля на законодательство. При лишении

Судом силы конкретной нормы посредством признания ее неконституционной зачастую происходит ее автоматическая замена другой нормой, производимой в рамках законодательного процесса, стало быть, не самим Судом. Автор подчеркивает присутствие только кажущейся «позитивности» конституционно-судебного правотворчества [20. С. 77].

Следовательно, при отправлении конституционного правосудия не происходит выработки или отмены каких-либо правовых норм. Это отнесено к ведению законодательных (представительных) и компетентных исполнительных органов. Но используемые в судебном конституционном правоприменении интерпретация, истолкование конституционных норм с находящимися в единстве с ними законодательными и иными нормами оптимизируют законотворческую и правоприменительную деятельность. Вынесенные Конституционным Судом РФ разъяснения нацеливают федерального и региональных законодателей на совершенствование предмета регулирования, соблюдение иерархии нормативных актов, необходимость оперативного восполнения правовых пробелов, а правоприменителям помогают правильно руководствоваться юридическими нормами.

Правотворческие полномочия Верховного Суда РФ в научной литературе обычно увязывают с анализом и обобщением материалов судебной практики в целях достижения единообразного применения судами законодательства (п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»). За период 2014–2017 гг. пленумом Верховного Суда РФ издано 50 праворазъяснительных постановлений, позволивших устранить разночтения в толковании закона, возникшие между подсистемами судов, и обеспечить единство правового пространства в целях максимальной правовой защиты граждан и организаций [21. С. 18]. По обоснованному мнению О.А. Пучкова, такие разъяснения выражают правовую интерпретацию, базирующуюся на юридико-герменевтической методологии [22. С. 39]. Упорядочение судебной практики способствует единообразию в понимании судами отдельных норм, повышению качества судебного правоприменения, но не ведет к созданию новых юридических норм в рамках интерпретационной деятельности.

Отраслевое процессуальное законодательство также не предусматривает правотворчество судебных органов. К примеру, в определении Верховного Суда РФ от 14 сентября 2016 г. № 307-КГ16-7272 по делу № А56-11396/2015 в мотивировочной части выражено несогласие с доводами заявителя, по сути, сводящимися не к обоснованию существенных нарушений норм права, являющихся основанием для пересмотра судебных актов в высшей судебной инстанции государства (ст. 291.11 АПК РФ), а к желанию наличия иного правового регулирования по спорному вопросу. Однако вопросы правового регулирования относятся к компетенции органов правотворчества государств или международных организаций, но не к компетенции судебных органов [23].

Несмотря на неоднозначность судебного правотворчества и вкладываемых в него различных смысловых оттенков, все же нельзя игнорировать обязательность установлений, заключенных в постановлениях Конститу-

ционного Суда РФ и пленумов Верховного Суда РФ, приближающих их к уровню нормативности. Каково же их соотношение с нормативными правовыми актами и соотношение деятельности высших судов по выработке таких правил с правотворчеством? Думается, ответ целесообразно искать в современных тенденциях совершенствования регламентации общественных отношений и форм их фиксации. Наряду с нормативными правовыми актами в оборот введены правовые акты, обладающие нормативными свойствами. Начало им положено внесением дополнения в Кодекс административного судопроизводства РФ, предусмотревшего оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами (подп.1.1 п.1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ) [24].

В указанном нововведении заложена концептуальная идея, получившая развитие в постановлении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» и абз. 3 подп.2 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой ОАО «Газпромнефть» [25]. Согласно позиции Суда, акты, где дается официальное разъяснение законодательства, опосредованно, через правоприменительную деятельность субъектов, обязанных их исполнять, становятся, по сути, обязательными и для неопределенного круга лиц (само постановление Суда касалось взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков), что порождает у таких актов нормативные свойства. Их возникновение, по мнению Суда, зависит от того, оказывает ли правовой акт общерегулирующее воздействие на общественные отношения, есть ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц – участников правоотношений, рассчитан ли он на многократное применение.

Равным образом и судебные акты – постановления Конституционного Суда РФ и постановления пленумов Верховного Суда по вопросам судебной практики приемлемо считать судебными актами, обладающими нормативными свойствами. Общерегулятивное воздействие подобных актов на общественные отношения происходит через предусмотренную законом обязанность по выполнению выработанных в них правил теми субъектами, к кому они в первую очередь обращены, – судами общей и арбитражной юрисдикции. Судебное правоприменение, основанное на обязательном использовании судебных актов, обладающих нормативными свойствами, опосредованно оказывает обязывающее влияние на неопределенный круг лиц – адресатов судебного правоприменения.

В такого рода правовых актах сформулированы выводы, вытекающие из истолкования Конституционным Судом РФ конституционных норм (они могут быть и в его определениях), а Верховным Судом РФ – актуальных законоположений, позволяющие субъектам правоотношений определять и соотносить с ними границы своего поведения. Изложенный подход позволяет, на наш взгляд, более точно установить место судебных актов, содержащих нормативно-интерпретационные разъяснения, в правовой системе государства.

При выявлении соотношения правотворчества и судебно-нормативной интерпретации необходимо исходить из современных правовых реалий. Под правотворчеством и судебно-интерпретационной деятельностью понимаются разные виды государственной деятельности ввиду различий в компетенционном назначении осуществляющих их органов. Правотворчество всегда первично в создании и развитии правовой системы государства, а судебно-нормативная интерпретация способствует ее эффективному функционированию. Подобная схема взаимоотношений правотворческих органов и судов выступает элементом механизма, обеспечивающего разделение и согласованность единой государственной власти.

Представляется важным отметить наличие творческой составляющей в судебном правоприменении, включая разбирательства по делам в судах общей и арбитражной юрисдикции, хотя полноценный процесс правотворчества здесь исключен в свете правоприменительной природы правосудия. Весьма верно подмечено В.В. Ершовым, что суд вправе осуществлять не правовое, а лишь индивидуальное судебное регулирование [26. С. 14]. Но некоторое сходство, даже совпадение, содержательных и формальных параметров, сопряженных с поиском, сопоставлением, выяснением смысла, оценкой правовых норм, используемых приемов, сближает правотворчество и судебное правоприменение, не приводя к образованию их полной или частичной общности. Подобным образом поддерживается функциональный баланс между законодательной, исполнительной и судебной властями как обособленными ветвями единой государственной власти.

Литература

1. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Норма, 2000, 552 с.
2. О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
3. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 448 с.
4. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М. : Юрист, 2013. 404 с.
5. Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
6. Лозовская С.В. Правовой прецедент: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 26 с.
7. Румянцев М.Б. Особенности судебного правотворчества в Российской Федерации // Адвокат. 2017. № 2. С. 72–78.
8. Чередниченко С.П. Судебное правотворчество: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
9. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 18 с.
10. Корнев А.В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 36 с.

11. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

12. Регламент Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

13. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

14. О Верховном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

15. Кучерявцев Д.А. Роль судов в осуществлении права законодательной инициативы в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 55–61.

16. Лазарев В.В., Шуберт Т.Э. Право законодательной инициативы высших судов и проблемы его реализации // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 5–13.

17. По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 21. Ст. 2692.

18. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях : определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1768-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.06.2019).

20. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С.75–85.

21. Бурдина Е.В., Петухов Н.А. Верховный Суд России: от надзора за судебными местами до гаранта защиты прав граждан и организаций // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 5–20.

22. Пучков О.А. Судебные интерпретационные акты в российском праве: юридико-герменевтический аспект // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 34–39.

23. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2016 № 307-КГ16-7272 по делу № А56-11396/2015 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.06.2019).

24. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов : федеральный закон от 15.02.2016 № 18-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 906.

25. По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» и абзаца третьего пп. 2 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой ОАО «Газпромнефть» : постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

26. Ершов В.В. Природа «позиций судов»: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2017. № 12. С. 5–15.

Yusubov Elman S., Philimonov Yuriy V., West-Siberian Institution of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation)

LAW-MAKING IN THE CONTEXT OF JUDICIAL LEGISLATION

Keywords: law making, judicial enforcement, judicial legislation, interpretation.

DOI: 10.17223/22253513/33/17

Law-making is considered as activity of public authorities on creation, changing and abolishment of legal norms, fixed in laws and regulations. The process of law-making is preceded by stable examination of impartial existing social and economic requirements, responsible for state – authoritative interest in legal regulation of public relations. Law-making and legal and public –political consequences of becoming effective legal norms have interdependent character, in particular introduction of amendments into existing legislation. Therefore law-making is characterized as complex in its order of activity, which arises from consistent sequential actions and decisions of authorized subjects. Its finishing stage is legal act, which contains authoritative declaration of intent of the public authorities or a public official. Realization of approved legal norms, which were enacted in legal act, causes practical law enforcement or legal enforcement activity.

Another branch of public authority is judicial power, which realizes function, directed to achieve constitutionality, legitimacy, and law order by means of solving legal disputes, social conflicts, establishing legal facts, use of measures of responsibility for protection of human rights, freedoms and legal interests of a person and other subjects of legal relations. Within this framework it is considered debatable and insufficiently proven point of view over possibility to administrate law-making function by the judiciary powers on the basis of its purpose in constitutional mechanism of the separation of powers. The authors adduce arguments in priority of formation of legal system of the state through the activity of competent law-making bodies. The authors pay attention to particular enforcement nature of justice, conducive to application of law by means of judicial- interpretative acts, adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation during realization of judicial constitutional control and by the Supreme Court of the Russian Federation during generalization of judicial practice. Similar acts have general regulatory influence to social relations considering responsibility, provided by the law, to comply explanatory rules by the courts of general and arbitral jurisdiction. Judicial legislation, based on its multiple applications, indirectly influences on indefinite scope of persons – representees of judicial legislation. Whereby these acts have regulative characteristics, it allows to define more precisely its place in the system of regulatory legal acts. It is noted similarity of several informative and formalized characteristics, which approaches law-making to judicial legislation, but it doesn't lead to formation of its complete or severable commonality.

References

1. Nersesyants, V.S. (2000) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [The General Theory of Law and the State]. Moscow: Norma.
2. Russian Federation. (1997) O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii : federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ [On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 1. Art. 1.
3. Marchenko, M.N. (2017) *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeyskoe pravo* [Judicial law-making and judicial law]. Moscow: Prospekt.
4. Malyushin, A.A. (2013) *Konstitutsionno-sudebnoe pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktiki* [Constitutional and judicial law-making in the Russian Federation: problems of theory and practice]. Moscow: Yurist.

5. Semyanov, E.V. (2005) *Sudebnoe pravotvorchestvo (voprosy obshchey teorii prava)* [Judicial law-making (questions of the general theory of law)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

6. Lozovskaya, S.V. (2005) *Pravovoy pretsedent: voprosy teorii i praktiki* [Legal precedent: questions of theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

7. Rumyantsev, M.B. (2017) *Osobennosti sudebnogo pravotvorchestva v Rossiyskoy Federatsii* [Specificity of judicial law-making in the Russian Federation]. *Advokat*. 2. pp. 72–78.

8. Cherednichenko, S.P. (2005) *Sudebnoe pravotvorchestvo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Judicial law-making: comparative legal research]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

9. Popov, O.V. (2004) *Teoretiko-pravovye voprosy sudebnogo pravotvorchestva v RF* [Theoretical and legal issues of judicial law-making in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tolyatti.

10. Kornev, A.V. (2016) *Raz'yasneniya vysshikh sudov po voprosam sudebnoy praktiki kak forma sudebnogo pravotvorchestva v Rossii* [Clarifications of higher courts on judicial practice as a form of judicial law-making in Russia]. Abstract of Law Cand. Moscow.

11. The Federal Assembly of the Russian Federation. (1998) *Reglament Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya RF* [The regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 7. Art. 801.

12. The Federal Assembly of the Russian Federation. (2002) *Reglament Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF* [Regulation of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 7. Art. 635.

13. The Constitutional Court of the Russian Federation. (1994) *O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ* [On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 13. Art. 1447.

14. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 05.02.2014 № 3-FKZ* [On the Supreme Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of February 5, 2014]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 6. Art. 550.

15. Kucheryavtsev, D.A. (2015) *The role of courts in execution of the right to legislative initiative in the Russian Federation. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 5. pp. 55–61. (In Russian).

16. Lazarev, V.V. & Shubert, T.E. (2017) *Power of the Supreme Court to Initiate Legislation and the Problems Connected with Its Implementation. Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.12737/24844

17. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *On verification of the constitutionality of Paragraph 4 of Article 26 of the Federal Law No. 122-ФЗ of August 22, 2004, On Amendments to the Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition of Certain Legislative Acts of the Russian Federation invalid in connection with the adoption of federal laws on Amendments to the Federal Law “On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation” and ‘On General Principles of Organizing Locally self-government in the Russian Federation’ in connection with the complaint of citizen N.M. Morenko: Resolution No. 9-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2013. Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 21. Art. 2692. (In Russian).

18. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *On verification of the constitutionality of Paragraph 1 of Article 23 of the Federal Law “On International Treaties of the*

Russian Federation” in connection with a complaint of citizen I.D. Ushakov: Resolution No. 8-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 27, 2012. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. № 15. St. 1810. (In Russian).

19. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Korshunova Olga Nikolaevna on violation of her constitutional rights by Article 34 of the Law of the Russian Federation “On state guarantees and compensations for persons working and living in the Far North and equivalent localities: Resolution No. 1768-O of the Constitutional Court RF of October 4, 2012*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136908/ (Accessed: 28th June 2019).

20. Bondar, N.S. (2007) Normativno-doktrinal'naya priroda resheniy Konstitutsionnogo Suda RF kak istochnikov prava [The regulatory and doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 75–85.

21. Burdina, E.V. & Petukhov, N.A. (2018) The Supreme Court of Russia: from Supervision of Judicial Seats to Guarantor of Protection of Rights of Citizens and Entities. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 1. pp. 5–20. (In Russian).

22. Puchkov, O.A. (2017) Judicial interpretation acts in Russian law: the legal and hermeneutic aspect. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 6. pp. 34–39. (In Russian).

23. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 14.09.2016 № 307-KG16-7272 po delu № A56-11396/2015* [Resolution No. 307-KG16-7272 of the Supreme Court of the Russian Federation of September 14, 2016 in Case No. A56-11396 / 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=474711#07442725869977311> (Accessed: 28th June 2019).

24. Russian Federation. (2016) On amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of a procedure for judicial review of cases challenging certain acts: Federal Law No. 18-FZ of February 15, 2016. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 7. Art. 906. (In Russian).

25. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) On verification of constitutionality of Paragraph 1 of Part 4 of Art. 2 FKZ “On the Supreme Court of the Russian Federation” and part of Paragraph 2 p. 1 Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with a complaint of Gazpromneft: Resolution No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 31, 2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 15. Art. 2301. (In Russian).

26. Ershov, V.V. (2017) Nature of Courts' Legal Views: Theoretical and Practical Issues. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 12. pp. 5–15. (In Russian).